

Кан Син Чжэ дебютировала в 1949 году циклом рассказов «Лицо», «Чхан Сум», «Возвращение в горы» и других. Впоследствии именно рассказы, а не романы создали ей литературное имя в читательских кругах. Главная тема ее произведений – судьба женщины в современном мире, этика и гармония любовных отношений. Нравственной основой творческих устремлений Кан Син Чжэ является конфуцианская этика семейных отношений, теряющая свое место в современных условиях жизни. Глубоко психологичные рассказы о перипетиях женской любви служат тому наглядным примером. Практически все рассказы, созданные Кан Си Чжэ, являются продолжением лучших традиций жанра корейской новеллистики [17, с.181-184].

ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ СОВРЕМЕННОЙ ИСПАНСКОЙ И КАЗАХСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Калжанова Г.Н., Жумахан С.Ж., Балтабаева Г.С.

Казахский государственный женский педагогический университет, Алматы, e-mail: dilfuza.talenova@mail.ru

С установлением независимости Казахстана активизировались контакты казахской литературы со многими зарубежными литературами. Что касается литературных отношений независимого Казахстана с Испанией, то они только начинают развиваться. Положительным фактом можно назвать встречу казахстанских читателей с представителями литературного сообщества Испании несколько лет тому назад в Национальной библиотеке РК [7]. В 2002 году в Алматы был издан роман «Надя» [11] Франциско Паскуаля де ла Парте, который был в то время послом Испании в Казахстане. «Роман назван по имени главной героини Надежды Рыбаковой, ... вынужденной расстаться с любимой работой для того, чтобы содержать свою небольшую семью. Действие произведения возвращается в постперестроечной России, в январе 1997 года» [12, с.332]. Чтение романа вызывает интерес, так как сходная ситуация была и в Казахстане тех лет. Интересным фактом стала публикация стихов известного испанского поэта Фредерико Майора в переводе на казахский язык в 1997 году. Его стихи были переведены поэтом Гемирханом Медетбековым. В сборник «Федерико Майор. Элендер» [13] вошло 70 стихов, охватывающих период с 1988 по 1990 годы. Многие из них были написаны во время посещения им Франции, Канады, Бельгии, Японии, Индии, Мавритании, Йемена, Египта, Эфиопии, Нигерии, Пакистана. Произведения казахстанских авторов издают в Испании. В 1993 году в Барселоне вышел в свет сборник рассказов Дукенбая Досжанова в переводе на испанский язык Х.Мануэля. В 1987 году в Испании опубликовали роман «Кровь и пот» Абдижамила Нурпейсова.

В контексте современного развития мировой литературы развитие каждой национальной литературы проходит в соответствии с общими тенденциями эволюции мирового художественного процесса. Наблюдаются одинаковые для всех национальных литератур проблемы, связанные с глобализацией и коммерциализацией общества и проистекающими отсюда последствиями. Общие для всех современных литератур проблемы свойственны и казахской литературе, так как в последние годы происходит органичное вхождение казахской литературы в контекст мировой художественной культуры. Изучение опыта всех национальных литератур необходимо для полноценного развития каждой отдельной литературы. И.-В.Гете считал, что каждая нация «найдет у каждой другой и нечто приемлемое... такое, чему следует подражать,

и такое, чего нужно избегать. ...Потому что, когда лучше знают взгляды друг друга и если эти взгляды совпадают, из этого быстрее возникнет надежное доверие» [14, с.57]. По мнению И.-В.Гете, сближен литературой откроет путь для взаимопонимания народов и их ф. души процветания. Он призывал к организованному единству и содружеству писателей различных стран. Идеи Гете, высказанные им почти два столетия назад, актуальны и в наши дни.

ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ОСОБЕННОСТИ БОЛГАРСКОЙ ПРОЗЫ XXI ВЕКА

Касен А.К., Манат Т.М., Балтабаева Г.С.

Центрально-Азиатский университет, Алматы, e-mail: dilfuza.talenova@mail.ru

В последние годы, где-то с начала нового тысячелетия, в текущем социополитическом контексте болгарской литературы протекает ускоренный процесс стабилизации и утверждения правого – процесс, к которому литература остаётся критически индифферентной. После периода институциональной дестабилизации в 90-е годы (время «мутной воды»; или говоря другим жаргоном – первоначального накопления капитала) сегодня статус-кво категорично определён. Как центральная, конститутивная сила в нём очерчен прогрессирующий *плохой этатизм*. Этатизм, который реализуется не в сферах социально-гуманного, а имеет административно-репрессивный характер: государство действует как сверхинституция, которая сводит свои обязанности только к своим первичным функциям контролировать, шпионить, регламентировать, запрещать и, в конечном счёте, заботясь прежде всего о собственной институциональностиTM – всё более редуцировать индивидуальные свободы своих горожан (часто под благовидным и не терпящим возражения предлогом для борьбы с преступностью, с которой она в немалой степени срослась). Развивая на самом высоком уровне *корпоративный капитализм* американского типа, государство через свои институты всё более откровенно действует в интересах частных или классово-корпоративных, невзирая на собственную социальную демагогию.

В подобной ситуации моральный долг литературы – возратить свою критичность, свой гуманистичный пафос.

Мы наблюдаем как раз обратное. Своим безразличием к социальному, служением удовольствию, поверхностному и эфемерному, целостной утратой своих онтологических и метафизических измерений литература активно включается в производство и утверждение потребительских ценностей капитализма.

Это что-то большее, чем просто контрмодернизм. Это отказ от морали в полном, гуманистичном смысле сего понятия. Даже там, где моральное вроде бы налицо, оно представлено весьма *плоско*, переведено на язык развлекательного и, в конечном счёте, инфан-тилизованно. В «проблему» превращено элементарное, вегетативное удовольствие от жизни, первосигнальное потребление счастья и удачи – сверхценности, которые обслуживают потребительский механизм.

Со своим радикальным контрмодернизмом литература в последние годы всё больше и больше продвигается по пути саморазоблачения как явление с правым, *охранительским* характером. Она все больше интегрируется в тот процесс демократизирования потребительской этики, который в универсальном плане характерен ризируетэру постмодерности (с 1950 года до сих пор). Кардинальная антитеза модерности между культурой и властью преодолена, происходит позор-

ный соглашательский процесс сближения и слияния властного дискурса и его эстетической рефлексии. Результат – опасный монодискурсивизм, который, как каждый монодискурсивизм, скорее является симптомом тоталитарного.

С исторической точки зрения, подобный культурный пессимизм – неизменная часть саморефлексии самой культуры. А это фундаментальный повод для оптимизма. В своём историческом развитии культура постоянно констатирует собственное перманентное поражение, свой упадок. Больше того, сама культура реализуется полноценно через сознание своего собственного кризиса. И именно проблематизация её собственного настоящего и предстоящего конца – важная часть её жизненности, её реализации как таковой, т.е. как территории, альтернативно расположенной по отношению к властному дискурсу. Сама культура – всегда пессимистичная, но живая – совершенное опровержение этого конститутивного для неё пессимизма, а в этом смысле своё собственное самоопровержение.

Список литературы

1. Пенчев Б. Ний всички сме деца на младия Славейков. – *Культура*, бр. 17 (1976), ХЫ, 25 апрел 1997.
2. Неделчев М. Фигурата на писателя // *Литературен вестник*, бр. 16,7-13.05.2008.
3. Разговор с редактори двама на тема «Литературен вестник на новото време» // *Литературен вестник*, бр. 16, 11-17. 2. 1998.

СОВРЕМЕННАЯ БОЛГАРСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Коздигарина Р.К., Медешова Г.К., Балтабаева Г.С.

Казахский государственный женский педагогический университет, Алматы, e-mail: dilfuza.talenova@mail.ru

В последние годы в болгарской литературе всё более и более очевидным становится эскалирующая инвазия одного специфичного типа массовой литературы, во многих случаях откровенно приближающейся к художественной дебильности. В этом, конечно, нет ничего ужасного. В той или иной форме массовая культура всегда существовала как один рассказ, параллельный и альтернативный «высокому», элитарному, грань между которыми иногда совсем размыта, особенно в предмодерные эпохи. Более того, мы хорошо знаем, в какие шутки играет история с категориями «высокое» и «низкое». Так нечто, что сегодня мыслится как высокая классика, в сущности, возникло когда-то именно как массовая культура («Декамерон», например, а в более широком плане – и фольклор). На самом деле «высокий» канон нередко институциально-нализует именно «низкую» культуру переходной эпохи.

Предлагаю на рассмотрение один сюжет в развитии болгарской литературы после 1989 года, который считаю центральным. Изложу его в определенной степени в теоретическо-аналитическом плане, но не устою и перед искушением публицистично-темперированной риторики.

Прежде чем перейти к существу вопроса, очерчу главные, исходные параметры тезиса. Для современной литературной ситуации в Болгарии характерна гетерогенность в состоянии особой динамики. Эта динамика выражается в ускоренном изменении соотношения двух основных тенденций, которые можно определить как модернизм и постмодернизм. Наблюдаемая динамика ведет к чему-то третьему. Это всё более ускоряющееся, эскалирующее изменение стимулировано некоторыми внешними факторами, таковыми, например, как бум интернет-технологий и т.д. Но в интересующем меня аспекте важнее другой тип – «внешние», экстралитературные факторы.

Чтобы не усложнять проблему, ограничимся ситуацией в широком контексте модерности, разбираемой как сложная, антагонистично структурированная кон-

стелляция капитализма и модернизма. Антитеза, которую я считаю принципиально тождественной диалектической модели Просвещения вообще, разоблаченной Хоркхаймером и Адорно, или тождественной смыслу, в котором Фуко противопоставляет Просвещение (АипЧиагипё) и гуманизм, а также, с другой стороны, разрыву между социально-политической модерностью и культурной модерностью, которым пользуются такие авторы, как Дэниел Белл, Зигмунд Бауман, Зджислав Крас-нодембски. (Поспешу заметить, что основной пафос моего тезиса будет направлен на реабилитирование гуманизма в сфере эстетического).

БОЛГАРСКАЯ ПОСТМОДЕРНИСТСКАЯ ПОЭЗИЯ 1980–90-Х ГОДОВ

Курман А.С., Жумадыл Д.М., Балтабаева Г.С.

Казахский государственный женский педагогический университет, Алматы, e-mail: dilfuza.talenova@mail.ru

В 80-е постмодернизм возникает как эзоповский тип языковости, сопротивляющейся репрессии тоталитарного властного дискурса. В самом начале его основное занятие – деконструировать язык тоталитарного статус-кво, в том числе и язык поэзии, составляющей идеологический канон. (Этот деконструктивизм проведен самым радикальным образом Б. Ламбовски и перформансными акциями в начале 90-х годов кружка «Пятница 13»). О первом постмодерном поколении, поколении 80-х годов XX столетия – пока всё. Но в начале 90-х годов появилось новое поэтическое поколение, ставшее представительным для десятилетия. Я определяю его как второе постмодерное поколение. Оно обособливается к 1992-1993 годам в газете «Литературен вестник» под прямой менторской заботой «отцов» первого, самым прямым образом – Ли Илковым (эта родовая метафорика особенно характерна для языка 90-х гг.). Его ядро – всеизвестная «четверка», основная часть литературной мифологии десятилетия, которая, как группа, легитимизируется скорее всего двумя мистификационными проектами «Бъл-гарска христоматия» («Болгарская христоматия») (1995) и «Българска антология» («Болгарская антология») (1998). Кроме этого ядра, вокруг газеты «Литературен вестник» – с момента ее создания – гравитируют множество молодых авторов, творчество которых – в одном или другом аспекте – представительно для рефлексий постмодернизма болгарской литературы 90-х годов.

Болгарский постмодернизм претерпевает важную трансформацию именно в этом поколении. В целом он переадресует свой де-конструктивистский пафос от политического (антикоммунистического) к другому, собственно правому идеологическому конструкту – гештальту Болгарского. И поскольку этот гештальт является продуктом этноцентричного литературного канона – один в полной мере репрессивный языковой конструкт – постмодернизм 90-х в основном занимался деконструированием Канона. Расправившись с репрессивным языком коммунистической идеологии, болгарский постмодернизм занялся не менее репрессивным языком другой идеологии – идеологии Болгарского. Таким образом, хоть и утра-тивший свою прямую политическую ангажированность, он сохраняет свой левый характер, трансформируя его. Деконструктивистский пафос болгарского постмодернизма постепенно, в некоторой степени и по объективным причинам, становится всё менее и менее антикоммунистическим, но он всё так же ангажирован другими властными, правыми языковыми структурами.

Это определяющее для болгарского постмодернизма 90-х годов внутреннее саморазвитие от тоталитарного